

ГОГОЛЬ И...

DOI 10.37386/2305-4077-2020-2-83-94

А. В. Денисова¹

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия

РИМ В ПИСЬМАХ ГОГОЛЯ И ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются письма Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, написанные ими во время пребывания в Риме. Отражение «вечного города» в эпистолярном наследии писателей было обусловлено не только разными биографическими обстоятельствами, но и различным восприятием города.

Ключевые слова: письма Гоголя, Достоевского, Рим, мифология города, заграничные путешествия.

A. V. Denisova

Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice

ROME IN THE LETTERS OF GOGOL AND DOSTOEVSKY

The article considers the letters of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky, written by them during their stay in Rome. The reflection of the “eternal city” in the epistolary heritage of writers was due not only to different biographical circumstances, but also to different perceptions of the city.

Keywords: letters of Gogol, Dostoevsky, Rome, mythology of the city, foreign travels.

В русской культуре Рим занимает особое место. Образ «вечного города» соотносился с традициями античной культуры, а римская тема оживала в лирике великих поэтов – Ломоносова, Державина, Батюшкова, Боратынского, Пушкина, А. Н. Майкова... Наверное, так или иначе, ни один деятель русской культуры не избежал «соблазна Римом», куда ездили искать вдохновения, новых впечатлений, а иногда – следуя моде.

Образы Италии и Рима традиционно со- и противопоставлялись: север – юг, буйство красок и жизни – и холод, угрюмость русского Севера, олицетворением которого был Санкт-Петербург. Однако русская столица и Рим, при всей непохожести, все-таки сближались. Оба города получили название в честь своих основателей. Имя «Санкт-Петербург» таило в себе возможность двойного прочтения, поскольку эпитет «святой» можно отнести как к Петру (апостолу или императору), так и к городу [Лотман, 2002, с. 355].

¹ Алина Валентиновна Денисова, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Рим являлся градом Святого Петра, который был покровителем Вечного города, но в контексте петербургской истории апостол Петр тоже всегда осознавался как небесный защитник города на Неве.

Для русских писателей Рим (и Италия) были своеобразной землей обетованной, тем местом, без которого невозможно было вдохновение, и путешествие в Рим (Италию) считалось неотъемлемой частью становления и формирования внутреннего мира художника, своеобразным условием, выполнение которого означало приобщение к мировой культуре.

Рим отражался и оживал в воспоминаниях, путевых заметках, художественных произведениях и, конечно же, в письмах, которые отправляли путешествующие своим адресатам. Это были слова о том, что более всего поразило в вечном городе. Однако трудно предположить, что в эпистолярном наследии Гоголя и Достоевского, писателей, чьи произведения обнаруживают общие историко-литературные связи, восприятие Рима разительно отличалось!

Как отмечалось в литературоведении, значение Гоголя – как личности и гениального писателя – было значимо для Достоевского на протяжении всей его жизни. Гоголь часто упоминается в публицистике, черновиках, письмах писателя. В одном из ранних писем Достоевского брату Михаилу вскоре после успеха «Бедных людей» их автор сопоставляет себя с Гоголем на двух страницах письма шесть раз². В конце жизни, составляя для одного из своих корреспондентов список книг, которые необходимо прочесть его сыну-подростку, Достоевский, называя отдельные произведения мировой классики, пишет: «Гоголя, без сомнения, надо дать всего» (301, с. 237).

Но вместе с тем наиболее критическое отношение было у Достоевского тоже именно к Гоголю. Так, в рабочих записях к «Дневнику» 1876 года мы читаем: «Идеал Гоголя странен: в подкладке его христианство, но христианство его не есть христианство <...> Это бахвальство Гоголя и выделанное смирение шута <...> NB. Гоголь. И рядом с гениальным ореолом выставилась чрезвычайно противная фигурка» (24, с. 305, 306).

Тем не менее, «типы Гоголя» и сама его личность всегда были в поле зрения Достоевского. Это обнаруживается не только в упоминаниях гоголевских персонажей (таких упоминаний много: это и Хлестаков, и Сквозник-Дмухановский, и Чичиков, и Держиморда...), но и в использовании гоголевских текстов в качестве прецедентных [Денисова, 2013, с. 410–422].

Гоголь мистическим образом «сопровождал» Достоевского на протяжении всей его жизни, начиная со слов Некрасова и Григоровича, явившихся к Белинскому с восклицанием: «Новый Гоголь явился» (25, с. 30), чтения Достоевским письма Белинского Гоголю в кружке Петрашевского – и заканчивая критическими размышлениями самого Достоевского о Гоголе в «Дневнике писателя».

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т.– Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 281. С. 117–118. Далее ссылки на это издание даются в тексте: в круглых скобках после цитаты указываются том и страница арабскими цифрами. В случае двоянных томов приводится индекс к тому. Везде, где не оговорено специально, графические изменения текста мои.– А.Д.

Достоевский, вернувшийся в Петербург после сибирской каторги и ссылки в декабре 1859 г., активно включился в литературную и театральную жизнь Петербурга. Известно, что он принимал участие в постановке гоголевского «Ревизора». Это был спектакль в пользу «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (Литературный фонд) [Вейнберг, с. 1895, с. 100]. Достоевский остановился на роли почтмейстера Шпекина. П. И. Вейнберг вспоминал: «Достоевский <...> обнаружил и хорошее сценическое дарование <...> Я думаю, что никто из знавших Федора Михайловича <...> не может себе представить его – комиком, притом комиком тонким, умеющим вызывать *чисто гоголевский смех*; а между тем это было действительно так, и Достоевский-Шпекин был – за немногими неважными исключениями- безукоризненен...» [Вейнберг, 1895, с. 100].

В этом контексте с большой долей вероятности можно предположить, что Достоевский, наверстывая упущенное из-за каторги и ссылки, активно читает. И письма Гоголя из Рима ему были знакомы по вышедшему в 1857 изданию «Сочинения и письма Гоголя в шести томах», которое подготовил П. А. Кулиш. Кроме того, в библиотеке Достоевского было полное собрание сочинений Гоголя в 4-х томах, вышедшее в Москве в 1873–1874 гг., куда был включен отрывок Гоголя «Рим» [Библиотека Ф. М. Достоевского, 2005, с. 37].

Тем более интересным становится то, что первые свои заграничные путешествия Достоевский как бы соотносит с маршрутами Гоголя. В 1862 году из итальянских городов он посещает Турин, Геную, Ливорно, Флоренцию, Милан, Венецию. Первоначально планировалось посетить и Рим, что подтверждается печатью дипломатических ведомств России и Рима в Париже, датированными 16/28 июля 1862 г. [Брусовани, Гальперина, 1988, с. 282].

В Рим Достоевский попадет лишь на следующий год. Часть поездки он совершает с А. П. Сусловою, с которой он встретился в Париже в августе 1863 г. Их путь лежит через Баден, где Достоевский хотел проконсультироваться с врачами и встретиться с Тургеневым. В Рим они прибывают в начале сентября из Ливорно. В письме из Турина к В. Д. Констант Достоевский писал, что пробудет в Риме дней десять (28₂, с. 47). Уже из Рима он сообщал Паше Исаеву 18/30 сентября 1863 г., что через три дня уезжает в Неаполь (282, с. 49). Однако 24 сентября/6 октября Суслова делает запись о том, что накануне она была в Колизее. Таким образом, Достоевский пробыл в Риме с начала и до середины сентября 1863 г.

В отличие от Достоевского, Гоголь жил в Риме довольно продолжительное время. Город стал знаковым топосом для писателя. Писатель прожил в Риме в совокупности около четырех лет. Он часто оставлял город на длительное время, но каждое его возвращение сопровождалось творческим всплеском. В целом пребывание в Риме длилось с весны 1837 года (Гоголь приехал в Рим в канун Светлого воскресенья) и до осени 1847 г., т. е. больше десяти лет.

Рим становится второй родиной писателя, воплощением идеального пространства. Из любого города Западной Европы он стремится в вечный город, который для него не просто пространственное понятие, место длительного

проживания, но и определенная ценностная категория, связанная с этико-философскими и эстетическими размышлениями писателя, его «духовная родина». Кроме того, Рим осознается в контексте движения, понимаемого не только как перемещение в пространстве, но осознаваемого в качестве внутреннего движения, которое осознавалось Гоголем как этап на пути высшего служения, поисков себя – человека и художника. «Именно в Риме его человеческое и творческое «я» проявилось с необычайной гармонией и силой» [Джулиани, электронный ресурс, <http://sites.utoronto.ca/tsq/14/juliani14.shtml/> (Дата обращения 01.06.20)].

Гоголь читает Рим как роман [Падерина, 2003, с. 218], как книгу, от которой невозможно оторваться. Так, он замечает в письме к А. С. Данилевскому от 18.06.1838 г.: «Но Рим, наш чудесный Рим, рай, в котором, я думаю, и ты живешь мысленно в лучшие минуты твоих мыслей, этот Рим увлек и околдовал меня. *He могу, да и только, из него вырваться*» (с. 158–159).

В своих письмах Гоголь неоднократно отмечал, что все его путешествия практически всегда продиктованы божественным провидением, связаны с выполнением определенной миссии. Так, еще в 1829 г. в письме к матери Гоголь размышлял: «... я хотел было противиться этим вечно-неумолкаемым желаниям души, которые один Бог вдвинул в меня <...> он указал мне путь в землю чуждую, чтобы там воспитал свои страсти в тишине, в уединении, в шуме вечного труда и деятельности, чтобы я сам по скольким ступеням поднялся на высшую, откуда бы был в состоянии расеять благо и работать на пользу мира» (X, с. 146). Письмо написано 24 июля, а уже 13 августа Гоголь прибывает в Любек, о чем сообщает матери (X, с. 151). Как видим, уже тогда стремление «в землю чуждую» осознавалось Гоголем не только как просто путешествие, а как открытие в самом себе особого дара служения людям, Богу, провидению. Но для этого нужно покинуть Петербург, обрести силы, чтобы приобщиться к духовной вечности и красоте. Да, он едет лечиться в Любек и Травемюнде, но описание Любека, которое он делает в письме к матери, – это описание другого, отличного от Петербурга, пространства: «...однако ж все не так, как в Петербурге». И в письме сквозит романтическое ощущение города: «Пишу к вам ночью, – окно у меня открыто, луна светит, и город кажется очарованным» (X, с. 153).

Можно предположить, что уже тогда в сознании Гоголя начинает складываться романтический миф города. В 1829 г. написана идиллия «Ганц Кюхельгартен», мир которой противопоставлен серой обыденной жизни. И «очарованный город» Любек воспринимается вполне как антитеза ей.

По мысли Марии Виролайнен, у Гоголя существовал «миф города». Шесть реальных городов формируют гоголевскую мифологию: Петербург в оппозиции к Москве, Рим в оппозиции к Парижу, Миргород и Иерусалим [Виролайнен, 1997, с. 230]. Гоголь пишет М. П. Погодину 28 ноября 1836 г.: «О Париже тебе ничего не пишу. Здешняя сфера совершенно политическая, а я всегда бежал политики. Не дело поэта втираться в мирской рынок. Как молчаливый монах, живет он в мире, не принадлежа к нему, и его чистая, непорочная душа умеет только беседовать с богом» (XI, с. 78).

И если Париж олицетворяет собой Европу, то совершенно очевидным оказывается, что в нем, как и во всей Европе (и в Петербурге) идет «...жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической» (XI, с. 81), которой Гоголь так дорожил. Такое же противопоставление Рима Парижу обнаруживается в повести «Рим».

В Париже открываются пустота во всем, поверхностность и легкомыслие, которые подменяют истинность стремлений и саму жизнь. Суэта и мельтешение вместо красоты. Пустая пышность, «поражающая только первый взгляд», не возвышает человека, ибо возвышает человека только искусство, «придавая благородство и красоту чудную движениям души». Если Париж воплощает «мануфактурную» Европу, обнаружившую свою пустоту, то иную, истинную культуру воплощает Рим. Вечность Рима, Италии, великой культуры, которая оказывается живой, пробиваясь из-под обломков античных храмов, прорастает живостью и непосредственностью характеров римлян (чего только стоят зарисовки обитателей одной из отдаленных улочек Рима, «где даже нет кардинальского дворца», где «все откровенно», где жизнь идет такая, какая она есть!) – и сиюминутность, в угоду, на усладу, на продажу – жизнь Парижа, в котором, перефразируя слова Гоголя о Невском проспекте, «все не то, чем кажется».

В письме к М. П. Балабиной в апреле 1838 г. Гоголь пишет: «Молитва же в Париже, Лондоне и Петербурге всё равно, что молитва на рынке» (XI, с. 146).

Владимир Топоров называет Гоголя создателем русской версии мифа о Риме [Топоров, 1987, с. 214]. Гоголь словно претворяет в действительность мысль Шеллинга: «Всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывающуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию» [Шеллинг, 1996, с. 147].

Как отмечает Т. Л. Владимирова, «вечный город в художественном мире Гоголя представлен не столько как историко-географическая реальность, закрепленная в конкретных пространственных границах, сколько как знак или символ особого художественного пространства, содержащего в себе кроме территориально- географических признаков ряд внепространственных признаков (искусство, природа, религия)» [Владимирова, 2006, с. 4]. Творя этот миф, Гоголь *внутренне свободен*, несмотря на стеснение в средствах и проблемы со здоровьем.

Рим оказывается равнозначен миру, расстаться с Римом все равно, что покинуть мир. В письме к А. С. Данилевскому 15 апреля 1837: «Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу – и уж на всю жизнь. Словом, вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить» (XI, с. 95). В контексте этого письма Рим равнозначен Италии, что было естественно для русской литературы первой половины 19 века: порой эти два образа (и смыслы, которые в них заложены) были взаимозаменяемыми.

В письме к В. А. Жуковскому 30 октября 1837 Гоголь пишет: «Наконец я вырвался (из Швейцарии – А. Д.). Если бы вы знали, с какую радостью я бросил

Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня! *Я родился здесь*. – Россия, Петербург, снега, подлещы, департамент, кафедра, театр – всё это мне снилось» (XI, с. 111).

Гоголь любил Италию «как *дополнение, как мечту*, как то, чего в нем самом не было. Николай Бердяев удивительно точно написал: «Русская тоска по Италии – творческая тоска, тоска по вольной избыточности сил, по солнечной радости, по самоценной красоте. И Италия должна стать вечным элементом русской души. Италией лечим мы раны нашей души, истерзанной русской больной совестью, вечной русской ответственностью за судьбу мира, за всех и за вся. Не только от уныния русской жизни, но и от величия ее, от Гоголя, Достоевского и Толстого, от всего трудного и мучительного стремимся мы в Италию подышать вольным творческим отдыхом. Исключительная этичность русской души ищет себе дополнение в исключительной эстетичности души итальянской. Италия обладает таинственной и магической силой возрождать душу, снимать тяжесть с безрадостной жизни. Такова вечная, неумирающая, неразрушимая Италия» [Бердяев, 1994, с. 368–369].

Достоевский тоже мечтает об Италии. Итальянская тема в переписке Достоевского появляется начиная с 1846 г. В письме к Я. П. Полонскому от 31 июля 1861 г. Достоевский вспоминает о своих юношеских грезях: «Сколько раз мечтал я, с самого детства, побывать в Италии. Еще с романов Радклиф, которые я читал еще восьми лет, разные Альфонсы, Катарины и Лючии въелись в мою голову. А дон Педрами и доньями Кларами еще и до сих пор брежу. Потом пришел Шекспир – Верона, Ромео и Джульетта – черт знает, какое было обаяние. В Италию, В Италию! А вместо Италии попал в Семипалатинск, а прежде того в Мертвый дом. Неужели ж теперь не удастся поехать по Европе, когда еще осталось и сил, и жару, и поэзии» (282, с. 19).

Однако для Достоевского Италия и Рим были недостижимы по другим причинам. А. П. Милюков, вспоминая о стремлении Достоевского по возвращении с каторги совершить путешествие за границу, писал: «... но это было затруднительно, так как он состоял под надзором полиции и Третье отделение не разрешало выдачи ему паспорта» [Милюков, 1889, с. 223]. Поездка за границу для Достоевского была обретением свободы реальной, свободы передвижения, которой у него как у бывшего каторжника давно не было. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» он напишет об этом так: «*Вырвался* я наконец за границу сорока лет от роду, и, уж разумеется, мне хотелось не только как можно более осмотреть, но даже всё осмотреть, непременно всё, несмотря на срок» (5, с. 46). Он ищет не художнического вдохновенного уединения, а стремится увидеть то, что длительное время было для него невозможно.

В отличие от Гоголя, Достоевский о своих заграничных впечатлениях в письмах не сообщал никаких подробностей даже близко знавшему его Н. Страхову, объясняя невозможность рассказать что-нибудь отсутствием времени: «для порядочного письма из-за границы нужно все-таки дня три труда» (281, с. 26).

Непосредственно о Риме в письмах Достоевского, по сравнению с письмами Гоголя, упоминается крайне мало. И это объясняется не только тем, что временной промежуток пребывания Гоголя и Достоевского в Риме несопоставим: как известно, Гоголь провел в Риме в общей сложности семь лет – с 1836–1841 гг. и с 1842–1843 гг.

О Риме Достоевский мельком пишет Н. Н. Страхову 26 июня (8 июля) 1862 г. из Парижа: «Что-то будет дальше, как спущусь с Альпов на равнины Италии. Ах, кабы нам вместе: увидим Неаполь, пройдемся по Риму, чего доброго приласкаем молодую венецианку в гондоле (А? Николай Николаевич) Но... «ничего, ни-чего, молчанье!»», как говорит, в этом же самом случае, Поприщин» (282, с. 28). Достоевский встретился со Страховым 22 июля (4 августа) 1862 г. в Женеве и совершил вместе с ним путешествие в Италию. Около недели они провели во Флоренции [Достоевский: Материалы и исследования, 1980, с. 174–175].

В 1863 году Достоевский путешествует по Италии вместе с А. Суловой. Как свидетельствуют биографы, знакомство Достоевского и Суловой произошло в 1861 году, когда журнал «Время» опубликовал ее повесть «Покуда». Отношения между ними мучительны. В 1863 году Аполлиария уезжает в Париж, куда должен приехать и Достоевский. Сулова ждет его со дня на день: они вместе поедут в Италию. Как пишет А. С. Долинин в предисловии к «Дневнику» Суловой, «в течение этих нескольких месяцев, трех или четырех, которые она провела в Париже, вспыхнуло в ее душе новое чувство, молодое и яркое, захватило ее с такой внезапностью, разожглось пламенем такой слепой страсти, что без всяких размышлений о будущем, со слабой уверенностью в настоящем, ни о чем не рассуждая и не взвешивая последствий, – она отдала свое сердце и всю себя человеку чуждой среды и племени» [Сулова, 1928, с. 16]. Как явствует из «Дневника», он родом испанец, – не то студент-медик, не то молодой врач, по имени Сальвадор.

Позже в письме к ее сестре Надежде Прокофьевне Суловой от 19 апреля 1865 г. Достоевский напишет: «Аполлиария – большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям. Она колет меня до сих пор тем, что я не достоин был любви ее, жалуется и упрекает меня непрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой: «Ты немножко опоздал приехать», то есть что она полюбила другого, тогда как две недели тому назад еще горячо писала, что любит меня. Не за любовь к другому я корю ее, а за эти четыре строки, которые она прислала мне в гостиницу с грубой фразой: «Ты немножко опоздал приехать» (282, с. 121–122).

Отношения с Аполлиарией оказываются почти невыносимыми. В довершение ко всему в Бадене Достоевский проигрывает почти все деньги. Письма, которые он отправляет из Рима разным адресатам, полны отчаяния. Письмо Варваре Дмитриевне Констант, младшей сестре жены М. Д. Исаевой, от

27 августа (8 сентября) 1863 г. из Баден-Бадена: «...в Бадене, я проигрался на рулетке весь, совершенно, дотла. Я проиграл до 3-х тысяч с лишком франков. У меня в кармане теперь только 250 франков. Я выехал из Парижа, чтоб ехать в Рим. На эти деньги нельзя ехать в Рим и потому остановлюсь на перепутье в Турине ждать из Петербурга денег» (282, с. 42–43). В Женеве Достоевский закладывает часы – без выкупа, Аполлинария – кольцо.

Из Рима 18 (30) сентября Достоевский пишет отчаянное письмо Н. Н. Страхову. В нем – тоже просьба денег: «...исполнив просьбу мою, Вы, буквально, спасете меня от многого, до невероятности неприятного.

Всё дело вот в чем:

Из Рима я поеду в Неаполь. Из Неаполя (дней через 12 от сего числа) я возвращусь в Турин, то есть буду в нем дней через пятнадцать. В Турине у меня иссякнут все мои деньги, и я приеду в него буквально без гроша <...> И не 1500 рублей я прошу, а всего только 300 (триста руб.). <...> Я литератор-пролетарий, и если кто захочет моей работы, то должен меня вперед обеспечить. Порядок этот я сам проклиная. Но так завелось и, кажется, никогда не выведется» (282, с. 50).

В Риме Достоевскому не пишется, хотя он понимает, что его материальное положение напрямую зависит от написанного. В том же письме к Страхову: «Я было даже начал писать, – но невозможно здесь. Жарко <...> приехал в такое место как Рим на неделю; разве в эту неделю, при Риме, можно писать? Да и устаю я очень от ходьбы» (282, с. 50).

В уже цитированном письме Страхову он набрасывает «план одного рассказа» (будущего романа «Игрок»). Указывая срок доставки рассказа в журнал, Достоевский акцентирует внимание Страхова на том, что собирается изобразить «один тип заграничного русского, натуру непосредственную, человека <...> во всем недоконченного, изверившегося и не смеющего не верить», игрока по натуре. Достоевский в Риме задумывает произведение о «современной минуте <...> внутренней жизни» России, о типах русского человека.

В том же письме к Страхову упоминаются единственные впечатления от Рима: «Странно: пишу из Рима и ни слова о Риме! Но что бы я мог написать Вам? Боже мой! Да разве это можно описывать в письмах? Приехал третьего дня ночью. Вчера утром осматривал Св<ятого> Петра. Впечатление сильное, Николай Николаич, с холодом по спине. Сегодня осматривал Forum и все его развалины. Затем Колизей. Ну что ж я Вам скажу...» (282, с. 52).

Достоевский словно обрывает себя на полуслове. Это письмо перекликается с ранним письмом Н. Н. Страхову 26 июня (8 июля) 1862 г. из Парижа: «О заграничных впечатлениях моих не сообщаю Вам никаких подробностей. Всего не опишешь в письме, а по частям и не могу» (282, с. 28).

Достоевскому не пишется в Италии. Он сообщает брату Михаилу 8 (20) сентября 1863 г. из Турина о том, что писать трудно, что не может сосредоточиться: «Но писать мне ужасно трудно. Что написал в Турине, всё разорвал. Надоело

писать на заказ. Но, однако ж, не отчаиваюсь послать хоть из Рима. Потому что надо» (282, с. 45). Достоевского тревожит состояние журнала, и об этом он пишет брату.

Еще одно обстоятельство мучит Достоевского во время его заграничного путешествия: тяжело больная, умирающая от чахотки жена. От пишет брату в уже цитированном письме: «Тут и счастье принимаешь тяжело, потому что отделился от всех, кого до сих пор любил и по ком много раз страдал. Искать счастье, бросив всё, даже то, чему мог быть полезным,— эгоизм, и эта мысль отравляет теперь мое счастье (если только есть оно в самом деле). В этих словах чувствуются и беспокойство о больной М. Д. Достоевской, и переживания, связанные со сложной историей отношений с А. П. Суловой.

А в письме к Тургеневу от 6 (18) октября 1863 г он сообщает: «О путешествии ничего Вам не пишу. Рим и Неаполь сильно меня поразили. Я первый раз там был. Но, знаете, невозможно оставаться дольше одному, и мне ужасно хочется в Петербург» (282, с. 54).

Достоевский, в отличие от Гоголя, не обретает внутренней свободы в обетованной Италии и Риме, которые словно влетают в тревожность его внутреннего состояния. Даже маршрут путешествия не свободен, а зависит от наличия денег и от спутницы – Аполлинии Суловой. Мы читаем в письме к Тургеневу от 6 (18) октября 1863 г.: «Во всех местах останавливался я на короткое время <...> Все эти разъезды, по одному обстоятельству, отчасти не зависели от моей воли, а я зависел от обстоятельств» (282, с. 53). Видимо, Достоевский имеет в виду обстоятельства путешествия с А. П. Суловой.

И как итог – в письме к брату 8 (20) сентября 1863 г. из Турина: «О подробностях моего путешествия вообще расскажу на словах. Разных приключений много, но скучно ужасно, несмотря на А<поллинию> П<рокофьевну>. Тут и счастье принимаешь тяжело, потому что отделился от всех, кого до сих пор любил и по ком много раз страдал. Искать счастье, бросив всё, даже то, чему мог быть полезным,— эгоизм, и эта мысль отравляет теперь мое счастье (если только есть оно в самом деле)» (282, с. 43).

Гоголевские письма второго периода его пребывания в Риме 1842–1843 гг. разительно отличаются от тех, что он писал во время своего пребывания в вечном городе в 1836–1841 гг. Он возвращается в Рим осенью 1842 г. Как пишет Рита Джулиани, «мало-помалу на его глазах римская идиллия тускнеет» [Джулиани, 2009, с. 224]. 24 ноября 1846 г. Гоголь пишет Жуковскому из Неаполя: «... в Рим же я приезжал всякий раз как бы на родину свою. Но теперь, во время проезда моего через Рим, уже ничто в нем меня не заняло <...> Я проехал его так, как проезжал дорожную станцию; обонянье мое не почувствовало даже того сладкого воздуха, которым я так приятно был встречаем всякий раз по моем въезде в него; напротив, нервы мои услышали прикосновение холода и сырости» (XIII, с. 143). В письме к С. Т. Аксакову 28 августа 1847 года: «После моей последней тяжкой болезни во мне осталась такая зябкость, что даже Рим стал для меня холоден...» (XIII, с. 375).

Думается, что письмо А. С. Данилевскому, написанное из Рима 26/14 февраля <1843> года, многое объясняет. Гоголь пишет: «Но жизнь моя давно уже происходит вся внутри меня, а внутреннюю жизнь (ты сам можешь чувствовать) не легко передавать <...> разве ты не слышишь, что мы уже давно разошлись, что я уже весь ушел в себя, тогда как ты остался еще вне? Но отовсюду, где бы я ни был, я буду посылать к тебе слово, всё проникнутое участием, и буду помогать, сколько вразумит меня бог, как обрести твою, тебе назначенную дорогу, дорогу стать ближе к себе самому; а ставши ближе к себе, взошедши глубже в себя...» (XII, с. 139).

Отраженное в письмах Гоголя и Достоевского восприятие Рима во многом созвучно. Оба писателя ищут источник вдохновения, но, пройдя «испытание Римом», обращаются к иному: Гоголь – к своей внутренней жизни, Достоевский – к жизни России. Тем не менее осмысление мира совершается в глубине художнического видения. Гоголь напишет в Риме «Мертвые души», «Шинель», фрагмент «Рим»... А Достоевский обдумывает и набрасывает схему будущего романа «Игрок».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. / Н. А. Бердяев. – Москва : Искусство, 1994. Т. 1. – 544 с.

Библиотека Ф. М. Достоевского : Опыт реконструкции. Научное описание. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 338 с.

Брусовани, М. И. Заграничные путешествия Ф. М. Достоевского 1862 и 1863 гг. / М. И. Брусовани, Р. Г. Гальперина // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 8. – Ленинград : Наука, 1988. – 319 с.

Вейнберг, П. И. Литературные спектакли. (Из моих воспоминаний) / П. И. Вейнберг // Ежегодник императорских театров. Сезон 1893–1894 гг. Прилож., кн. 3. – 454 с.

Виролайнен, М. Н. Гоголевская мифология городов / М. Н. Виролайнен // Пушкин и другие. Сборник статей к 60-летию проф. С. А. Фомичева. – Новгород : Новгор. гос. ун-т, 1997. – С. 230–237.

Владимирова, Т. Л. Римский текст в творчестве Н. В. Гоголя : автореф. ... канд. филол. наук. – Томск, 2006. – 22 с.

Денисова, А. В. Прецедентные единицы в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского («Крокодил» Ф. М. Достоевского в контексте «крокодилады») / А. В. Денисова // «Любить дело в себе» : сб. ст. памяти В. А. Зарецкого. – Уфа : Изд-во Башгосуниверситета, 2013. – 499 с.

Джулиани, Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай : Материалы и исследования / Пер. с итальянского А. Ямпольской / Р. Джулиани. – Москва : Новое литературное обозрение, 2009. – 288 с.

Джулиани, Р. «Рим» Н. В. Гоголя и душа Рима. – [Электронный ресурс]. – URL : <http://sites.utoronto.ca/tsq/14/juliani14.shtml/> (01.06.20).

Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : В 30 т. – Ленинград : Наука, 1972–1990.

Достоевский : Материалы и исследования. Т. IV. – Ленинград : Наука, 1980. – 288 с.

Лотман, Ю. М. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры. – Санкт-Петербург : Искусство, 2002. – 769 с.

Милюков, А. П. Литературные встречи и знакомства / А. П. Милюков. – Санкт-Петербург : Издание А. С. Суворина, 1890. – 292 с.

Падерина, Е. Рим как роман (по письмам Гоголя второй половины 30-х – начала 40-х гг.) / Е. Падерина // Гоголь как явление мировой литературы : Сб. ст. по материалам международной научной конф., посвященной 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. – Москва : ИМЛИ РАН, 2003. – 400 с.

Суслова, А. П. Годы близости с Достоевским : Дневник-повесть-письма / Вступ. ст. и примеч. А. С. Долинина / А. П. Суслова. – Москва : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928. – 191 с.

Топоров, В. Н. Вергилианская тема Рима / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста. – Москва : Наука, 1987. – С. 196–215.

Шеллинг, Ф. В. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг. – Санкт-Петербург : Алетей, 1996. – 496 с.

REFERENCES:

Berdyaev, N. A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* : v 2 t. – Moskva : Iskusstvo, 1994. T. 1. – 544 s.

Biblioteka F. M. Dostoevskogo : Opyt rekonstrukcii. Nauchnoe opisanie. – Sankt-Peterburg : Nauka, 2005. – 338 s.

Brusovani, M. I. *Zagranichnye puteshestviya F. M. Dostoevskogo 1862 i 1863 gg.* / M. I. Brusovani, R. G. Gal'perina // *Dostoevskij. Materialy i issledovaniya*. – T. 8. – Leningrad : Nauka, 1988. – 319 s.

Denisova, A. V. *Precedentnyye ediniy v «Dnevnikе pisatelya» F. M. Dostoevskogo («Krokodil» F. M. Dostoevskogo v kontekste «krokodiliady»)* / A. V. Denisova / «Lyubit' delo v sebe» : sb. st. pamyati V. A. Zareckogo. – Ufa : Izd-vo Bashgosuniversiteta, 2013. – 499 s.

Dzhuliani, R. *Rim v zhizni i tvorchestve Gogolya, ili Poteryannyj raj* : Materialy i issledovaniya / Per. s ital'yanskogo A. Yampol'skoj / R. Dzhuliani. – Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. – 288 s.

Dzhuliani, R. «Rim» N. V. Gogolya i dusha Rima. – **R. Dzhuliani.** – [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://sites.utoronto.ca/tsq/14/juliani14.shtml/> (01.06.20).

Dostoevskij, F. M. *Poln. sobr. soch.* : V 30 t. / F. M. Dostoevskij. – Leningrad : Nauka, 1972–1990.

Dostoevskij : Materialy i issledovaniya. T. IV. – Leningrad : Nauka, 1980. – 288 s.

Lotman, YU. M. *Otvuki koncepcii «Moskva – tretij Rim» v ideologii Petra Pervogo* / YU. M. Lotman // Lotman YU. M. *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury*. – Sankt-Peterburg : Iskusstvo, 2002. – 769 s.

Milyukov, A. P. Literaturnye vstrechi i znakomstva / A. P. Milyukov. – Sankt-Peterburg : Izdanie A. S. Suvorina, 1890. – 292 s.

Paderina, E. Rim kak roman (po pis'mam Gogolya vtoroj poloviny 30-h – nachala 40-h gg.) / E. Paderina // Gogol' kak yavlenie mirovoj literatury : Sb. st. po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konf., posvyashchennoj 150-letiyu so dnya smerti N. V. Gogolya. – Moskva : IMLI RAN, 2003. – 400 s.

SHelling, F. V. Filosofiya iskusstva / F. V. SHelling. – Sankt-Peterburg : Aletejya, 1996. – 496 s.

Suslova, A. P. Gody blizosti s Dostoevskim : Dnevnik-povest'-pis'ma / Vstup. st. i primech. A. S. Dolinina / A. P. Suslova. – Moskva : Izd. M. i S. Sabashnikovyh, 1928. – 191 s.

Toporov, V. N. Vergilianskaya tema Rima / V. N. Toporov // Issledovaniya po strukture teksta. – Moskva : Nauka, 1987. – S. 196–215.

Vejnberg, P. I. Literaturnye spektakli. (Iz moih vospominanij) / P. I. Vejnberg // Ezhegodnik imperatorskih teatrov. Sezon 1893–1894 gg. Prilozh., kn. 3. – 454 s.

Virolajnen, M. N. Gogolevskayamifologiya gorodov / M. N. Virolajnen // Pushkin i drugie. Sbornik statej k 60-letiyu prof. S. A. Fomicheva. – Novgorod : Novgor. gos. un-t, 1997. – S. 230–237.

Vladimirova, T. L. Rimskij tekst v tvorchestve N. V. Gogolya : avtoref. ... kand. filol. Nauk / T. L. Vladimirova. – Tomsk, 2006. – 22 s.